

ВЕРСИИ

Итак, Хранитель в своём "Монологе" выдвинул две версии: версию пребывания на Дону А.С. Пушкина в мае 1829 года (пребывание А.С. Пушкина на Дону осенью 1829 года общеизвестно и не оспаривается никем) и версию передачи своего Архива Д.Е. Кутейникову тогда же весной. Обе эти версии официальное пушкиноведение отрицает категорически, на том основании, что им об этом ничего не известно, а о чём не знаю, того не может быть.

Какие пути доказательств выбирать? На какие факты опираться?

Если раньше был музей и его экспозиция, жив был руководитель музея - представитель рода хранителей Архива Пушкина И.М. Рыбкин, если в распоряжении предыдущего хранителя Н.А. Кузнецова была библиотека из 14,5 тысячи томов редких книг (библиотека-спутница архива Пушкина), были живы таганрожцы, которые видели некоторые подлинники или слушали лекции самого Рыбкина на совместных заседаниях учёных советов ТРТУ и пединститута (к сожалению, их устные свидетельства никем не были зафиксированы), также были живы те, кто помогал Рыбкину спасти книги (как, например, д.ф.н., к.т.н., профессор ТРТУ Г.В. Чефранов), - то ничего этого, кроме публикации содержания некоторой части материалов домашнего музея И.М. Рыбкина в журнале «МИГ №2», вышедшем ещё при жизни Ивана Макаровича, в апреле 1993 года, - теперь нет...

На языке исследователей это означает отсутствие прямых доказательств. Перед нами завеса новой тайны. Приоткрыть эту завесу можно только разрешив положительно приведённые версии.

Лет двадцать-тридцать тому назад в журнале "Наука и жизнь" была рубрика "Таинственный XVIII век", "Таинственный XIX век", "Таинственный XX век". А может быть, эта наша новая тайна объединит тайны всех веков и поможет открыть пути постижения старых тайн для открытия новых? Для решения этой задачи обратимся к стандартному приёму: анализу версий хранителей, анализу публикаций открытой к этому времени части знаний Пушкина, анализу творчества Пушкина. Но этот анализ только тогда будет воспринят, если он будет опираться на данные современной науки и проверку современных знаний законами, открытыми Пушкиным. То есть, - на научный анализ.

Начнём с версии о пребывании А.С. Пушкина на Дону в мае 1829 года. Особенность этой версии в том, что она хранит тайну цели самовольной поездки Пушкина, выбора необычного маршрута, встречи с Кутейниковым весной 1829 года.

Хранители считают, что главным в поездке на Кавказ была передача Архива и вступление Пушкиным в казаки. Первое событие, по их сведениям, произошло весной, а второе - осенью 1829 года. В качестве доказательства передачи Архива Кутейникову хранители приводят письмо Ивана Кутейникова, племянника атамана, к своему брату Степану, о встрече Пушкина и атамана

весной 1829 года, которое хранится в родовом архиве.

Об этом письме мы знаем из "Монолог хранителя". В нашем распоряжении этого письма нет. И потому, по крайней мере, до тех пор, пока кто-либо не представит опровержения этого факта, прямым доказательством должно считать свидетельство хранителей. Мы принимаем это положение за аксиому. Для подтверждения факта вступления Пушкина в казаки осенью 1829 года хранители приводят факт таинственного появления в это время автопортрета А.С. Пушкина в казачьих доспехах верхом на донской лошади.

Этот автопортрет известен пушкиноведам и широкой публике. Официальное пушкиноведение объясняет появление этого автопортрета как «регистрацию» самим Пушкиным пребывания на Кавказе и его участия в Кавказской войне. Особенности «казачьей» экипировки Пушкина и донская порода изображенной им лошади пушкиноведами во внимание не берутся. Впрочем, они не находят следов пребывания Пушкина на Дону в мае 1829 года у самого Пушкина даже в его произведениях.

Однако, как мы убедились, ни один рисунок, сделанный рукой Пушкина на полях его рукописей, не является случайностью или прихотью, а является зашифрованным дополнением к сказанному. Чтобы распознать, что же скрывается за этими "символами", надо было располагать всей полнотой наследия Пушкина. Но в том-то и дело, что и до настоящего времени мы этой возможности лишены - доступа к архивам у простых людей не было и нет. Пушкиноведа же, в распоряжении которых были все рисунки, пометки на полях, все варианты изданных и не изданных материалов, письма - его и к нему и т.д., - пользовались этими данными дифференцированно, и мы, читатели, граждане, зависели от их выбора объекта и трактовки его смысла и значения. В результате иногда вместо объективного анализа творчества А.С. Пушкина мы имеем подробное описание не связанных между собой частных фактов.

Некоторый прорыв наметился с дополненным переизданием полного собрания сочинений А.С. Пушкина, которое включает не только рисунки поэта, но и все его черновые заметки на полях и варианты произведений, и теперь можно проводить своё исследование. Мы должны заново прочитать Пушкина! Так считаем не только мы.

В настоящее время в различных изданиях появляются отрывочные публикации исследователя К.П. Викторовой, которая говорит, что в произведениях Пушкина описана вся прошлая и настоящая история, а его рисунки помогают понять как раз то, что написано между строк. На эту тему ею уже подготовлена к печати книга "Неизвестный Пушкин", но нет денег на печатание... Примета нашего времени и - продолжение трагедии самого Пушкина!

Но вернёмся «в версию». Что мы знаем о намечавшейся поездке А.С. Пушкина на Дон? Ничего, и ни из каких источников. Если где и шла речь о его намерениях выехать за пределы Петербурга, то ни цель, ни адрес прибытия не назывались. По крайней мере, самим Пушкиным. Что же касается его современников и исследователей его жизни и творчества, то предположений было множество. Например, наш современник Б. Шубин, врач по профессии, в

своих "Дополнениях к портретам", сообщает, что Пушкин предпринимал множество попыток вырваться из Петербурга примерно в это время. Ничего не уточняя о причинах такого стремления, Б. Шубин, однако, пишет, что Пушкин даже придумал себе жуткую болезнь - аневризм, лечение которой, по словам врачей того времени, требовало выезда за границу.

Наша современная "Литературная газета" пошла ещё дальше, представив тогда ещё будущую книгу другого автора... "Пушкин за границей", - зная, что Пушкин никогда там не был. Но таков был расчёт авторов книги, основанный, как им кажется, на невероятном стремлении Александра Сергеевича в чужие края, на его желании "хоть глазком посмотреть на за границу", о которой он, якобы, грезил... На этих предположениях строились выводы о том, что Пушкину страшно надоел Петербург, Россия... Что здесь он, недооценённый, задыхался и страдал, что он мечтает увидеть, как живут "там"... И так далее.

Благодаря версии хранителей мы видим, что поездка "за границу" могла быть поводом лишь для выезда за пределы Петербурга, и только! Пушкину было всё равно, в каком направлении выехать, - главное, что потом можно было бы изменить маршрут и прибыть в пункт своего желания или предназначения. Возможно и другое: за границей его могли ждать соратники, посвящённые в его "великую тайну"...

Эти выводы подтверждает и заключение Б. Шубина о том, что такой болезни, как "аневризм" наследственность древнего высокого рода Пушкиных дать ему не могла. Пушкин был совершенно здоров. И действительно, - поняв, что его "жалобы" на здоровье могут закончиться тем, что ему сделают ненужную операцию, он обиделся и все разговоры о болезни прекратил. И уехал ...самовольно на Кавказ.

Мы подумали: если Пушкин действительно искал предлог для того, чтобы добраться до определённого им заранее места хранения своих бесценных рукописей и если в поездке на Кавказ это ему действительно удалось, то этот важный факт должен быть где-то зафиксирован им самим. И ...увидели это подтверждение в его "Путешествии в Арзрум" и в "Кавказском дневнике". Всего лишь одна, почти одинаковая, фраза! Но как много она говорит тем, кто знает, что за ней скрывается.

Итак, старый тракт проходил через Старочеркасск. А Новочеркасск стоит вообще по другую сторону от старой дороги. Обычная дорога, обычный маршрут, которым пользовались все путешественники. Никакой тайны. И Пушкин в "Путешествии..." подробно описывает весь свой маршрут - до этого пункта. А далее вдруг откуда-то появляется город Новочеркасск: **"В Новочеркасске нашёл я графа Пушкина (гр. В.А. Мусин-Пушкин. - авт.), ехавшего, также, в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе".**

Этим сказано очень многое, если не всё.

Мы можем расценить эту фразу как первое печатное подтверждение визита Пушкина в Новочеркасск. Почему-то исследователи обошли вниманием этот факт. Правда, сейчас, когда после первого упоминания этого факта (журналистом!), вызвавшего бурю недовольства в среде специалистов по Пушкину, прошло почти 15 лет, он уже так яростно не отрицается. Теперь

споры переместились в сферу выбора Пушкиным субъекта хранения архива - личности атамана.

Нам понятно, почему в "Путешествии в Арзрум" Пушкин не упоминает свою встречу с Кутейниковым по дороге на Кавказ. Мы рассматриваем отсутствие упоминания этой встречи как начало **ТАЙНЫ ХРАНЕНИЯ**. Иначе - какая же это тайна, если на весь свет о ней прокричать?!

В то время Наказным атаманом Войска Донского был Д.Е. Кутейников. Правда, нас уверяли (даже Пушкинский Дом), что такого атамана на Дону не было. Теперь и этот факт не вызывает сомнений. Вот эти данные взяты нами из книги Л.А. Черейского "Пушкин и его окружение":

"Кутейников Дмитрий Ефимович (1766-1844) - участник Отечественной войны, Наказной атаман Войска Донского (1827 - 1836), генерал-лейтенант". Л.А. Черейский приводит и факт получения Пушкиным денег от донского атамана. Но это произошло уже на обратном пути с Кавказа, полгода спустя, осенью 1829 года:

"По свидетельству М.И. Пущина, Пушкин, будучи в Новочеркасске в сентябре 1829, взял в долг у Наказного атамана 5 тысяч руб. (1). Пушкин мог быть знаком с женой К. - Марией Васильевной, урожд. Малышкиной.

(1) - Пущин, с.370."

И далее Л.А. Черейский указывает дополнительные источники, в которых можно найти сведения о Кутейникове:

РС, 1875, N1, с.41-60; Савелов Л.М. Донские дворянские роды, М, 1907, выпуск 1, с.112; портрет К.: Военная галерея, л. 37".

Рис. Д.Е. Кутейников.

Итак, - версия посещения Пушкиным Новочеркаска в мае 1829 года сегодня практически уже не оспаривается. Смеем надеяться, что это произошло не без нашего участия. Думается, что и по личности Д.Е. Кутейникова как выбора Пушкина у ученых скоро сомнения отпадут. А пока, шаг за шагом, мы упорно будем вести к этому.

Интересно, почему, скрывая свою первую встречу с атаманом, А.С. Пушкин не делает тайны из своей встречи с Кутейниковым при возвращении с Кавказа? Если предположить, что он не хотел указывать лицо, которому передал свой Архив, то зачем потом ему было устраивать публичное "представление" с крупным безвозмездным займом денег тем же лицом? Если деньги нужны были Пушкину, как говорят некоторые, в том числе казачье предание и некоторые свидетельства современников, на покрытие карточного долга, то всё равно, на наш взгляд, не стоило об этом кричать во всеуслышание. Это не делает чести ни атаману, который деньги дал не из своего кармана, а из казны Войска, ни самому Пушкину. Да и так не похоже это на него - кого-то подставлять...

Теперь уже, познакомившись с некоторыми правилами, традициями казачьей структуры, мы ясно увидели, что открытое, не завуалированное получение Пушкиным от казачьего атамана крупной суммы денег было

символом, знаком для посвящённых о приёме его в казачье сословие. И после прозрения по этому поводу фраза Рыбкина, которую мы ранее цитировали автоматически, возымела для нас совсем иной смысл: **"Но, не будучи казаком, с казачеством никаких дел нельзя было иметь!"** - Ни копейки из казны не получил бы даже Пушкин, не вступи он в казаки! И наоборот - факт получения им денег, который, как теперь видно, специально был предан широкой огласке, говорил посвященным о том, что Пушкин стал своим на Дону. Своим - для своих. Знак, что он стал казаком!

Но какой смысл был Пушкину вступать в казаки? Ясно, что по своей натуре и образованию, образу жизни и мыслей он не был военным. И даже участие в войне было для него скорее игрой, чем делом. Интересно, что Пушкина — не единственный из великих, кто вступил в казаки. Например, Суворов, Кутузов, Багратион... Что их толкало на этот шаг? Что это - орден? ложа? какой-то круг избранных? Тогда возникает целый ряд других вопросов. Первый - по какому принципу шёл отбор? Какую цель преследовали вступающие? Почему это не очень афишировалось?

Здесь мы можем выдвинуть пока только свои предположения, основываясь на известных нам от Рыбкина данных из Архива А.С. Пушкина и материалах "ВсеЯСветной Космической Грамоты Руси", где говорится, что КАЗАКИ (С-КАЗАКИ) - хранители СКАЗ-ОВ (СКАЗ-ок) - концентраций мощных знаний древней Руси. И, похоже, вступая в КАЗАКИ, они давали обет чести - хранить и, по мере своих сил, передавать дальнейшим поколениям эти знания о правде, о роли и значении Руси, что и являлось для них главной общей задачей. Ведь, согласно версии Хранителей Архива А.С. Пушкина, наше будущее, нет, уже настоящее, ибо, начиная с 1998 года, мы уже строим новое государство по типу казачьего самоуправления, по типу древней Руси. Тогда понятно, что, вступая в казаки, все великие люди России подчеркивали свою принадлежность, приверженность этому новому государству и давали присягу служить этому государству, и всю свою жизнь уже работали на это новое государство!

Если это так, то многие в поведении не только А.С. Пушкина становятся понятным и объяснимым. Теме древней Руси в этом издании посвящена глава "Космическое Лукоморье"...

Но вернёмся к деньгам - к пресловутому "карточному долгу Пушкина". Вполне возможно, что этот долг был в действительности. Один такой факт о том, что Пушкин «проигрался» связывают с именем родного брата известной кавалерист-девицы Дуровой. Но... стоило ли тайно, самовольно ехать на Кавказ, чтобы по дороге назад проиграться в пух и прах в карты (это можно было сделать и в Петербурге!), потом просить денег на покрытие практически постыдного — карточного долга! Потом взять эти пять тысяч рублей у Наказного атамана и объявить об этом на весь свет!? Что это: бравада? Слабость? Бесшабашность? А ведь Пушкину уже 30! Почти возраст Христа. И многие видят, как он изменился, как меняется его поведение в обществе. Нет, бравада и игра — это уже не характерно для А.С. Пушкина. Он совсем другой. Тогда что это? А если - знак? Но тогда - кому?

Обратим ещё раз внимание на высказывание И.М. Рыбкина по поводу казачьего "кодекса": **"Но не будучи казаком, нельзя было иметь дело с казаками"**. Очевидно, что Пушкин вступил в казаки в 1829 году, о чем и было сообщено всем посвященным, работающим на благо нового государства! На наш взгляд, лучшего способа довести информацию о вступлении Пушкина в казаки, как долг на возмещение "карточного долга" было просто не придумать. На самом же деле вступление в казачество давало Пушкину неограниченные возможности привлекать единомышленников и соратников к титанической работе по развитию его научных знаний, по подготовке русского народа к его будущей миссии - выполнению роли ведущего народа на мировой арене в течение ближайших 628 лет!

Таким образом, создание и распространение легенды о карточном долге Пушкина на самом деле - есть знак для посвященных как начало большой совместной работы будущего ради и для. Тем более, что в истории России того времени известна как минимум ещё одна подобная ситуация, в которой фигурирует та же таинственная сумма в пять тысяч рублей золотом!

В этом втором случае замешана как минимум царская особа - Николай II. В 1827 году он, по представлению генерал-адъютанта А.И. Чернышёва, наградил пятью тысячами рублей золотом казачьего полковника Шамшева, члена Комитета по выработке Положения об устройстве Войска Донского - как сказано в официальном документе, - для поправления расстроенного хозяйства в связи с долгим отсутствием по месту жительства...

В нашем же случае пять тысяч рублей золотом выделяет казачий атаман народному любимцу Пушкину - тоже, получается, для поправления расстроенного финансового состояния... Это произошло в 1829 году, два года спустя после получения денег Шамшевым. Совпадением такие факты назвать трудно. Тем более что круг лиц в обоих случаях один и тот же: царь - члены Комитета. Но во втором случае к этому кругу добавился еще один человек — Пушкин... *(и, что уже совсем удивительно, в 20-м веке потомки рода Хранителей Рыбкиных-Багратионов и Шамшевых породнились! - но об этом - в других публикациях).*

Возможно, эта легенда о 5-ти тысячах рублях золотом, взятых в долг у Наказного атамана Войска Донского, должна была дойти и до царя? Если это предположение верно, то на поданный атаманом знак со стороны государя должна была последовать реакция. Что-то должно было измениться в жизни Пушкина. И последует ли теперь наказание за его самовольную отлучку?

Как известно, по возвращению с Кавказа Пушкина не наказали за "самоволку". Совсем наоборот - похоже, опекать Пушкина взялся сам царь. Если до сих пор царь был личным цензором Пушкина, и цензура была довольно пристальной. Если «высочайшая цензура» лишила Пушкина возможности напечатать "Песни о Стеньке Разине", "Медный всадник" и задержала на пять

лет издание "Бориса Годунова", то после 1829 года отношение к Пушкину со стороны царя резко меняется. И, хотя царь выразил ему личное неудовольствие в связи с самовольной поездкой в Арзрум, в остальном он ему не препятствует. Наоборот, последовали все назначения, о которых мы скажем ниже. Хотя в цензуре поблажек Пушкину по-прежнему не было. Так, например, в середине декабря 1833 года Пушкину вернули рукопись "Медного всадника" с неприемлемыми для автора, как пишет Л.А. Черейский, замечаниями царя.

И всё-таки: царь взял его на службу, дал жалованье и позволил рыться в архивах "для составления истории Петра", пушкинскую "Историю Пугачёвского бунта" финансировал сам царь, выделив на исследования 20 тысяч рублей, о чём есть свидетельство самого Пушкина... Вот тебе и "цензура", и "наказание"!

После женитьбы Пушкина последовало его зачисление в министерство иностранных дел. В Царском Селе Наталья Николаевна была представлена императрице, что предопределило последующее привлечение поэта ко двору. Как ни хотели злопыхатели-критики извратить этот факт, считая, что Николай Первый имел виды на супругу Пушкина, - но есть совершенно другое объяснение этому факту. Именно с точки зрения нашего предположения можно объяснить, почему вдруг гражданскому до мозга костей свободолюбивому и независимому А.С. Пушкину был пожалован придворный военный чин камер-юнкера, и именно после его возвращения с самовольно поездки на Кавказ! Странное наказание, не правда ли?

Да, скажем прямо, чин небольшой. Но... он давал минимальное жалование, которое обеспечивало доход для семьи и возможность, не вызывая внимания и не возбуждая подозрений, общаться с нужными Пушкину людьми прямо при дворе. Вот, кстати, где и мог Пушкин договориться с Д.Е. Кутейниковым о передачи им рукописей своих научных работ. Многие исследователи, отрицая этот факт, основывают свои утверждения на невозможности знакомства Пушкина и Кутейникова даже теоретически, тем более - отрицая возможность таких встреч! Теперь видим, что эти встречи были реальными. Тем более, что есть и практические доказательства их общения.

Например, документ Государственного Военно-Исторического музея практически доказывает, что они оба могли видаться до передачи Архива как минимум дважды. Об этом мы подробно пишем в главе "Выбор Пушкина". Но почему-то никто из исследователей вообще не рассматривает и факт встречи Пушкина с Кутейниковым при дворе после возвращения с Дона!

Наказной атаман Войска Донского мог бывать при дворе по делам казачества и одновременно, не вызывая подозрений, общаться с Пушкиным, в том числе консультироваться по поводу организации хранения Архива. Не случайным нам кажется и тот факт, что примерно с этого времени стали потихоньку развязываться бытовые узелки и проблемы Пушкина, а после женитьбы - и его семьи.

Хотя, как оказалось, развязывались одни и тут же завязывались другие «узелки»... Похоже, что этот знак восприняли не только соратники Пушкина, но и противники. Более того, именно когда им стало ясно, что они "проворонили"

российского Пророка, который передал-таки, как за ним ни следили, свои знания на хранение, они обрушили на него всю силу своей ненависти.

И, если до этого нападки на Пушкина носили эпизодический характер, то травля, особенно после его женитьбы на первой красавице России, приобрела систематический, изошрённый характер. В качестве жертвы нападения была избрана его супруга, а орудием стал недалёкого ума «красавец-кавалергард» Дантес... Тёмная личность, выскочка, как его называли многие. Появившийся из ниоткуда и попавший в историю благодаря подлости... Его неожиданно быстро ввели в высшее общество, представили двору... И относительно спокойная жизнь Пушкина закончилась.

Дантеса подговаривали "поволочиться" за Н.Н. Гончаровой, играя на самолюбии её супруга. Но это были внешние проявления борьбы. А за кулисами... стоял человек, который прекрасно знал, кто он и зачем он при дворе: приёмный отец Дантеса, нидерландский дипломат, барон Л. Геккерн, с 1826 года посланник при русском дворе, масон.

С Дантесом он познакомился в 1833 году, возвращаясь из отпуска через Германию. Принял в нём участие и содействовал его карьере в России, а в мае!!! 1836 года усыновил его. Удивительная "случайность"! А на наш взгляд - знак заключительного этапа ритуального убийства Пушкина.

Случайно ли, что с Пушкиным расправились масоны? Ведь, как свидетельствует он сам: "4 мая. Я был принят в масоны". Эта дневниковая запись относится к 1821 году, когда Пушкин был в Кишинёве... А уже в 1822 году Александр I запретил масонство в России. И тем не менее, именно на основе этой дневниковой записи Пушкина некоторые "пушкиноведы" утверждают, будто его Архив — это заимствованный им "сундук масонских знаний", а ведь вступление в масоны было его первой ступенью посвящения, временем ученичества, которую проходили все масоны. Мог ли Пушкин перейти на более высокие ступени посвящения? Вряд ли. Во-первых, потому что Пушкин успел побыть масоном от силы год-полтора. Во-вторых, после Кишинёва ссылка продолжилась в Михайловском - без права посещения Москвы и Петербурга - масонских центров России. Очевидно, что практические связи Пушкина с масонами завершились "кишинёвским периодом" ссылки, где он действительно общался с будущими декабристами - членами масонских лож. Сегодня мы можем только задать риторический вопрос - зачем Пушкину было вступать в масоны? Ответ мог бы дать только он.

Нам трудно судить о том, какой ступени посвящения соответствуют знания, которыми владел Пушкин. Но наверняка - не первой ступени масонства - времени ученичества, когда только подводят к тайным знаниям. Что же могло быть тайной на низшей ступени посвящения, если таких ступеней в масонстве могло быть до 14-ти? Нет сообщений, что Пушкин вышел из масонов, нет сведений о его исключении или росте... как мастера по ступеням посвящения. А знания - есть. Откуда?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, слегка коснёмся истории российского масонства. Масонское движение уходит корнями ко временам крестовых походов, когда деятельность рыцарских орденов из военной перешла в политику и экономику европейских государств. Одним из наиболее влиятельных было движение "Каменщиков" с его тремя ступенями посвящения (ученики, подмастерья и мастера), называвшееся также "иоаннитским" в честь ордена рыцарей Святого Иоанна (Крестителя), обосновавшегося в Иерусалиме и ставшего впоследствии Мальтийским орденом. Главное центральное управление этой масонской ложи располагалось в Неаполе. В его подчинение входила и 62-я, Екатеринославская, ложа, распространявшая своё влияние на Юг России, Кавказ и Румынию ("Тайная сила масонства". Селянинов).

Александр I вначале благоволил масонам. Масонство, в свою очередь, приняло ещё более консервативный, верноподданнический характер. Например, придворный Жеребцов, мать которого участвовала в организации убийства Павла Первого, в 1802 году открыл в Петербурге ложу "Соединенные друзья". В неё допускались только лица, владеющие французским языком. В ложе состояли брат императора Константин Павлович, герцог Вюртембергский, граф Костка-Потоцкий, граф Остерман-Толстой, граф Нарышкин, граф Балашов - будущий министр полиции, Александр I и граф Бенкендорф (он стал шефом жандармов при императоре Николае I).

Позже к ложе примкнул уроженец Венгрии Игнац Аурелиус Фесслер (1735-1839гг.), известный международный масон, основатель ритуала, носящего его имя. Он был приглашен в Россию государственным деятелем М.М. Сперанским, масоном, описанным Л.Н. Толстым, для преподавания еврейского языка в духовной академии Петербурга. В 1803 году в Петербурге была открыта аристократическая ложа "Нептун" под руководством сенатора Голенищева-Кутузова. Полагают, что в этом же году в масонство и был принят император (позже он вступил и в польское масонство).

Это объясняет тот факт, почему в 1805 году он дал согласие открыть на базе бывшей ложи шведского обряда "Пеликан к благотворительности" ложу, носившую уже его имя - "Александра благотворительности к коронованному Пеликану", которая состояла преимущественно из немцев. Разветвлённую сеть лож возглавила созданная с разрешения императора в 1810 году "Великая директориальная ложа Владимира к порядку". Основные политические идеи масонских лож сводились к ликвидации в России самодержавия и крепостничества, почему эти идеи и нашли отклик в демократических дворянских кругах. В конце концов это вылилось в вооружённое выступление против монархии 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, известное как Декабрьское восстание, а его участники как декабристы.

При Александре I особую роль играл немецкий масон высоких ступеней Штейн, назначенный полномочным представителем российского монарха в немецких областях, освобождённых от Наполеона. Он был властителем дум русских розенкрейцеров, которых нередко ставят в один ряд с декабристами. В их числе был Николай Тургенев, который выехал в 1824 году в Европу. Он был принят в русское, французское и немецкое масонство. Его задачей было

разработать для Александра I законодательные уложения, которые облегчали бы предпринимательство в России. Но до этого не дошло.

Несколько ранее, в 1822 году, Александр I, зная о серьёзности намерений масонов - будущих декабристов, постановил прекратить в России деятельность масонских обществ. Получается, что сам император спровоцировал будущие беспорядки и казни. О результатах восстания нам известно. Но известно и то, что Пушкин не был на Сенатской площади, не был и сторонником вооружённого выступления... Как раз наоборот: зная закономерность исторического процесса, он разъяснял им вред, который может принести преждевременное свержение монархии как России, так и самим "революционерам". Вот почему никто из декабристов не мог сказать, что Пушкин был их сторонником. Мы можем, также, предположить, что Пушкин до конца своих дней не простил Александру I такую "провокацию". А Александр I, в свою очередь, мог не простить Пушкину его нескрываемое обожание к его царствующей супруге Елизавете.

Мы действительно не знаем факта выхода Пушкина из масонов ни до восстания, ни после. Но совершенно очевидно, что он разгадал суть масонства, которое, под видом распространения тайных знаний, на самом деле вело наступление на Россию еще тогда, но, похоже, достигает своих целей именно в наши дни.

Сегодня это называется идеологической войной. Тогда она завершилась неудачным выступлением декабристов, не затронув народные массы, ныне она завершилась "мирным" развалом СССР. На очереди "малая Родина" - Россия? Удивительно, что Пушкин тщетно предупреждал об этом не только своих современников, но и нас... С тем же успехом!

Совершенно очевидно, что Пушкин владел иными знаниями, знаниями более высокого порядка - более точными, позволяющими анализировать и вычислять результаты, а не ставить эксперименты, как это пытались сделать декабристы и как это сделали «перестрочечники» наших дней... Но и высшее масонское руководство, далеко не российское, вычислило Пророка.

И, как только завершилась ссылка Пушкина, на арене появился циничный иностранец, масон довольно высокого ранга - тот самый Геккерн. Вряд ли столь важная персона была командирована в Россию ради расправы с "нашкодившим новичком"... Никаких важных масонских знаний на первой ступени он просто не мог получить, даже если хотел бы. Нет! Пушкину отомстили не за раскрытие их тайных знаний. Масоны целенаправленно готовили расправу с носителем других знаний, предназначенных для другой цивилизации, для осуществления ведущей роли этой новой цивилизации, он был для них как источник принципиально нового знания, знания более высокого уровня, которое низвергало их с пьедестала и лишало власти на долгие века! Этому они ему простить и позволить никак не могли, и убили Пророка, тщательно продумав и спланировав это убийство, доведя до автоматизма весь этот процесс. В ход шли такие шокирующие методы, как, например, женитьба Дантеса на сестре жены Пушкина... Или тот факт, что Дантес, по мнению некоторых исследователей, прибыл на дуэль в кольчуге... Таким образом, очевидно, что в отношении

Пушкина было совершено ритуальное убийство. Его сначала хотели довести до отчаяния, а потом подтолкнуть к убийству Дантеса, рассчитывая, что, если Пушкин замарает себя кровью, он своей миссии Пророка не выполнит. Но они просчитались. На дуэли был убит не Дантес, а А.С. Пушкин. И потому это убийство приобрело совершенно иной смысл - оно навсегда записано в историю народа, как чудовищное убийство поэта и народного любимца. Оно открыло простым людям своего Пророка, сконцентрировало на нём внимание, которое усиливается с каждым годом, с каждым днём. Вот уже 174 года!

Пушкину выпала тяжелейшая миссия подготовить новый круг посвящённых в истинные знания, и эта миссия продолжается по сей день. Знаком начала этой работы и было вступление Пушкина в казачество...

Дворянин, ставший казаком, дал понять, что он, следуя русскому пути развития России, выбирает не западную, частную, а казачью, - общественную демократию. Истинный смысл этого слова - правление народа, чтокогда). Странно, что один российский царь, внедривший, по сути, в России западно-европейское масонство и спровоцировавший выступление декабристов, остался в истории Благословенным. Второй российский царь подавил это восстание, легализовал, образно говоря, движение "за Русское в России", чего ему, как и Пушкину, тоже не простили, вошёл в историю как "Николай Палкин"... В наше время это уже не удивляет: чем больше вреда своей стране и народу нанёс руководитель, политик, тем больше у него регалий от Запада. Чего говорить, когда сегодня открыто гордятся званиями рыцарей, магистров всевозможных орденов и членством всевозможных масонских лож!

Стоит подумать над тем, почему так разительно отличается отношение Пушкина к этим двум монархам, и их - к нему: первый не жаловал и ссылал его, а второй опекал и прислушивался. Хотя их личные отношения были далеко не безоблачными. В 1834-1836 годах, говорит Л.А. Черейский, Пушкин особенно часто общается с Николаем I и его семьёй. Известно, что после первой встречи с Пушкиным Николай I сказал, что он говорил с умнейшим человеком России. Такой собеседник, как Пушкин, не мог не интересовать царя. Влияние было обоюдным. Так, Николай I, разрешив печатание "Истории Пугачёвского бунта", намеревался учесть мнение автора при определении своей политики в крестьянском вопросе. Но возле трона друзей не бывает, даже для Пророка Российского. И потому не будем слишком идеализировать их отношения... Нам важно другое: они общались на почве заботы о судьбе России и на почве исполнения каждым отведенной ему в истории роли. И вот теперь, когда мы выстроили свою логическую цепь, нам ничего не остаётся, как ещё раз сказать, что значительное изменение жизни Пушкина по времени совпадает с его вступлением в казаки. А сумма в "пять тысяч рублей золотом" была символом, знаком сплочения патриотов России вокруг Пушкина и начала нового «круга», ритма развития нового государства - государства будущего!

Если же эти деньги рассматривались как аванс - за исследования истории или за литературные заслуги, то надо ответить на вопрос: а что значительного, имевшего отношение к казачеству, Пушкин написал до 1829 года?

Из напечатанного к тому времени - ничего. Да, к тому же, Пушкин позже получил от царя деньги на исторические исследования только одного вопроса, и не пять, а двадцать тысяч рублей золотом! Так что, за его литературную работу Пушкину заплатили гораздо больше. Но об этих деньгах никто легенды не сложил! Кроме того, все самые значительные литературные работы Пушкина созданы после 1830 года, тогда как научные труды, по версии хранителей, Пушкин начал писать с 14 лет и завершил к 1829 году, и в том же году передал их на хранение на Дон. Как раз в этих работах — вся история мира, России, значение казачества как строителей будущего... И.М. Рыбкин говорил, что в Архиве Пушкина есть множество работ по казачеству, которые ещё не опубликованы... То есть, если и можно было сделать тайну, что-то спрятать, тайно хранить - то только эти научные труды. И не за эти ли труды его приняли в свою среду казаки? И не за эти ли знания его убили масоны? А потому - будем ожидать опубликования подлинников Архива!

Ещё раз проанализируем ситуацию: опальный поэт, содержащийся под постоянной опекой жандармов, которому запрещено выезжать дальше Петербурга и Москвы, как принято считать официально, сделав "двести вёрст лишних; зато увидел Ермолова" ("*Кавказский дневник*", 1829. Ермолов - бывший наместник императора на Кавказе - прим. авт.) - вдруг оказывается на Дону, а затем на Кавказе, где проводит безнаказанно! более полугода... А потом в России «вдруг» появляется целое мировоззрение, в которое вовлечены все великие люди России! И всё это удаётся держать в тайне для широких кругов - почти два века. Это кажется невообразимым!

И все же хоть на миг представим, что это так. Это же прекрасный миг! Почему же столько злости вызывает даже предположение о существовании такой чудесной тайны? И - как по мановению волшебной палочки становится понятна трагедия жизни Пророка, который первым принял на себя эту злость... **"...Каждый день распинается новый Христос канцелярскими кнопками бюрократов"**, - эти строки, написанные поэтом А. Ткаченко, написаны будто о Пушкине...

Всю его недолгую жизнь его щёлкали по носу: когда ставили условия творчества, когда следили за каждым шагом, личной перепиской, делали его жизнь невыносимой, когда "признали" его гений поэта... Но Пушкин - учёный?! Это уж слишком! Всяк сверчок - знай свой шесток! Снова выстрел. На этот раз - в спину. Сколько же умирать Пушкину на этом свете?! Так почему же мы, дети конца XXI века, боимся по отношению к великому Пушкину применить слово, каким его называли не менее великие - Гоголь, Достоевский, Толстой?! Они называли Пушкина Пророком, говорили о его великом предназначении, о роли в судьбе своего народа: они знали истину о Пушкине. Нам же ещё предстоит -

каждому самостоятельно - открыть своего Пророка. И можно рассматривать данную публикацию как одну из ступеней этого открытия.

И.М. Рыбкин любил начинать свой рассказ с такой фразы: "В России того времени было четыре величайших патриота: Суворов, Багратион, Кутейников и Пушкин...", - обращая наше внимание на то главное, что их всех объединяло. Но двух первых патриотов к моменту зрелости Пушкина в живых уже не было, и двум оставшимся досталось больше всех - за любовь к России и за причастность к тайным знаниям... Неправда об этой тайне вплеталась даже в описание внешности "посвящённых".

При упоминании портрета Д.Е. Кутейникова из Военной галереи, посвящённой героям войны 1812 года, И.М. Рыбкин подчёркивал, что этот портрет писал художник-англичанин, которому было чуждо всё русское, и он сознательно исказил образ Кутейникова, изобразив его буйно усатым, со всклокоченными волосами, страшно сверкающими глазами... А об описаниях и писаниях внешности А.С. Пушкина вообще говорить не приходится! Короче — перед нами представитель негроидной расы, тогда как у Пушкина были голубые глаза, русые волосы, а вились они, как у многих русских в детстве и юности, и не более. Что же касается черт лица, то они прекрасно запечатлены в посмертной маске, сделанной по просьбе Жуковского после смерти А.С. Пушкина. Никаких африканских губ и мясистого носа — совсем наоборот — тонкие губы, тонкий прямой нос с небольшой горбинкой...

Горькую чашу, вслед за Пушкиным, испили его последователи, хранители его Архива. Даже в наше время не прекращаются попытки очернения Пушкина как человека, семьянина, поэта, учёного, Пророка, так и не признанного Пророком. Немало досталось при жизни всем поколениям хранителей, начиная с Кутейникова. Вспомнить хотя бы, что о Кутейникове менее всех атаманов известно в истории, хотя был он человеком заслуженным, был участником многих важных реформ преобразования казачьего устройства. Кроме того, Д.Е. Кутейников был добрейшим человеком, который пользовался большим уважением в казачьих кругах. Но к нынешнему веку даже среди казаков утвердилось негативное отношение к Кутейникову, что подтверждается рядом публикаций. Вот почему личности Кутейникова мы посвятили отдельную главу "Выбор Пушкина".

Мы можем считать фактором достоверности приводимых версий Архива саму принадлежность И.М. Рыбкина к роду Кутейникова, пусть даже и по женской линии. Трудно предположить, что, имея такую богатую родословную, И.М. Рыбкин мог выступить в качестве мистификатора, создателя столь невероятной истории Архива, в чем его пытались обвинить при жизни... Тем более невозможно представить, что в этом "мифотворчестве" могут участвовать не один или два, а почти все члены рода хранителей, из поколения в поколение. Для этого всем членам рода надо было иметь уж очень извращённую фантазию, или "пунктик" на почве Пушкина.

Одним из представителей рода был Александр Евлахов. Впоследствии профессор Ростовского университета, ровесник и родной дядя Ивана Макаровича Рыбкина. Род Евлаховых берёт своё начало от Багратиона. И вот

эти знатные блестящие дворяне - Иван Рыбкин и Александр Евлахов, почти полностью отказавшись от своей родословной, кардинально поменяв свои судьбы, "пошли в народ" - стали рядовыми строителями новой жизни. Иван Макарович говорил: "Иначе было нельзя. Чтобы делать серьёзные дела, надо было быть, как все. Мы прошли все ступеньки роста, приспособились к требованиям нового времени. Ради архива..."

Был Рыбкин и "чоновцем", и рабочим, и даже рабкором областной газеты "Приазовская степь". По литературному пути пошёл и Александр Евлахов. При газете был создан литературный кружок, который посещал ...Михаил Шолохов, тогда ещё никому не известный, начинающий молодой писатель. Впрочем, молоды были все. И это объединяло, увлекало. И похоже, что оба представителя рода хранителей избрали Шолохова - так же, как в своё время избирали других писателей, художников, учёных - для развития и распространения пушкинских знаний. Во всяком случае, после своего первого произведения, вызвавшего множество критики, в том числе и в этом кружке, Шолохов вдруг стал писать гениальные произведения - "Тихий Дон", "Поднятая целина", которые стали основополагающими в нашей - уже советской литературе.

В этом нет ничего странного и невозможного, и не стоит подозревать Шолохова в том, что кто-то писал за него. Писал он сам! И это не раз утверждал И.М. Рыбкин, видевший его рукописи в первоизданном виде. И вот ещё о чём любил говорить Рыбкин, вспоминая те годы: **"Так писалась вся наша великая русская литература. Вы думаете, - почему она великая? Почему наша классика так поражает? Потому что все писатели знали, что и для чего они пишут. Их произведения не были отрывочными сведениями — об истории, личностях, а составляли части единого целого мировоззрения, у истоков которого и стоял А.С. Пушкин"**.

Общеизвестно, что того же "Ревизора", "Мёртвые души", "Тарас Бульба" и другие произведения Н.В. Гоголь написал... по заданию Пушкина. И не только Гоголь. Возможно, что такую же роль просвещения Шолохова и других писателей, видных деятелей и выполнял в то время ростовский литературный кружок.

А что же Евлахов? Их дороги с Иваном Макаровичем потом разошлись. Рыбкину выпало быть курьером между ведущими двух архивов, это требовало переездов. А Евлахов стал профессором, специализировался в области русского языка и литературы. О его дальнейшей судьбе, как ни странно, узнали мы совсем от постороннего человека - профессора Ростовского университета Н.И. Глушкова, который, при встрече с нами узнав о родстве Рыбкина и Евлахова, сообщил, что в университете делают музей Евлахова, который имеет высокие заслуги перед университетом, у него множество научных работ, и было бы несправедливо об этом забыть. И попросил передать Рыбкину просьбу — предоставить ему дополнительные сведения о Евлахове.

Но... Рыбкин умер, а мы успели узнать лишь то, что в годы войны А.Евлахов пропал без вести и больше о нём ничего не известно. Окончание этой истории мы неожиданно узнали в Москве, от ...родного младшего брата А.Евлахова - тоже Александра.

Он родился уже после предполагаемой смерти старшего брата, которому в то время могло быть уже лет 35-40, и, конечно, он его не знал. Но вот отца своего помнил прекрасно, несмотря на то, что тот умер, когда Евлахов-младший был ещё ребёнком. Он-то нам и рассказал, что у отца была масса книг, особенно много - Пушкина, Достоевского, Толстого, Шолохова, Гоголя. Эти книги подбирались по какому-то одному ему известному принципу. Отец его всё время работал в своём кабинете, хотя был уже на пенсии. Что это был за труд и где он сейчас - Евлахов-младший не знает. Сам Александр, принадлежащий к роду хранителей, не был в курсе существования какого-то "пушкинского Архива" и даже был рассержен нашими вопросами. А нашли мы его в Москве, в Белом Доме, где он работал в качестве заместителя председателя комитета по печати Верховного Совета РСФСР и был одновременно заместителем редактора газеты "Россия". Но от встречи с нами не отказался.

Каково же было его удивление, когда я рассказала ему о рыбкине и архиве Пушкина! Поражённый услышанным, он, тем не менее, не нашёл ничего лучшего как написать И.М. Рыбкину письмо, в котором довольно резко спрашивал, чем он может помочь ему? И.М. Рыбкин, человек гордый, воспринял это как желание помочь нищему и ответил, что он его не так понял, что он ничего у него не просил, что ему ничего не надо - он только хотел узнать о судьбе Евлахова-среднего. Похоже, на этом их "переписка" и завершилась. Так на деле ещё раз подтвердились слова И.М. Рыбкина о том, как может нарушиться традиция и связь в роду, если умирают подряд старшие по возрасту хранители, а молодых некому готовить для работы с Архивом.

Ещё два представителя рода хранителей - двоюродные брат и сестра И.М. Рыбкина - М.Я. Рыбкин и Е.Я. Рыбкина также были привлечены к делу хранения. Михаил был художником и всё время писал Пушкина. Особенно тщательно выписывал его последние годы жизни. Нам известны три его картины, репродукции которых публиковала газета "МИГ". Что поражает в них? Картины строго документальны. Они сообщают нам, кто общался с Пушкиным и прощался с ним, какое значение в его жизни играли эти люди... А, может, среди них обозначены "посвящённые", которые продолжили работу после смерти Пушкина? Как сообщила при встрече Е.Я. Рыбкина, эти картины были переданы Дому-Музею на Мойке,12, но, когда она пришла посмотреть, в каком они состоянии, оказалось, что их даже не подняли из подвала и что никто так и не видел эти картины, хотя они очень важны для понимания значения Пушкина для России.

Ещё одна представительница рода хранителей - старшая родная сестра И.М. Рыбкина - Н.М. Рыбкина жила в Москве и всю свою жизнь работала в библиотеках. Когда мы попросили её рассказать о ее работе с архивом, она сказала, что выполняла самую маленькую обязанность - ей говорили, кому какие документы или книги показать "инкогнито", и она это делала. Вот только краткие сведения о некоторых представителях рода хранителей.

Таким образом, версии сошлись в доказательстве. Пушкин был на Дону дважды в один год, и с Кутейниковым встречался дважды: в первый раз оставил ему свои труды, а во второй раз вступил в казачество. О последнем было заявлено открыто через факт получения денег от атамана Всевеликого Войска Донского. С того момента история хранения начала свой путь. И этот путь, вполне завершится, когда будут обнародованы все материалы Архива Пушкина и рода хранителей. А посему можно считать на сегодня завершённым первый этап нашего доказательства - предварительный анализ версий Хранителя.

Но надо учитывать, что и сегодня по-прежнему самым главным доказательством для ученых считается наличие подлинных рукописей Пушкина. А потому вообще-то правомерно желание многих увидеть хотя бы что-нибудь из Архива... И, если бы хранители показали хоть какую-то часть рукописей, все споры могли быть прекращены уже давно. Но хранители этого до сих пор не сделали. Почему? В "Монологе..." Иван Макарович достаточно подробно говорит об этом. И мы его целиком поддерживаем, так как и мы были свидетелями того, какая была организована охота за рукописями. Всё было сделано для того, чтобы вынудить открыться. Одним из элементов этого принуждения было, например, требование поместить в неохраямый музей необходимое для подтверждения статуса музея количество подлинников. Но, даже если бы Рыбкин согласился с этими условиями, чтобы ему «организовали охрану» музея, тут же сработал бы закон, согласно которому всё пушкинское должно находиться в Пушкинском Доме.

Другими словами, стоило бы И.М. Рыбкину предъявить хотя бы одну подлинную строчку Пушкина, как она, а за ней и всё остальное, перешло бы Пушкинскому Дому. Выполнение же условий Завещания Пушкина никто при этом не гарантировал. Более того, их могли даже обвинить в присвоении народного достояния, а то и в присвоении права толкования научных работ Пушкина. У нас это делается просто! Так что всяческое упорное сопротивление хранителей этому "естественному" желанию просителей "потрогать" или "увидеть хоть глазком" подлинники оправданно.

Бесспорно, всякие подлинники ценны, а пушкинские особенно. И дело вовсе не в стоимости одной буквы, писанной его рукой, или его автографа. Здесь речь шла, и это всегда подчёркивали хранители, о высочайших знаниях, ценность которых определяется их значением для народа, содержанием и своей неделимостью, целостностью, а самое главное - возможностью бесконечного их исследования и практической доступностью простым людям, а не только учёным, тем более учёным-пушкиноведам, которые привыкли изучать Пушкина только с двух сторон: с конфликтно-бытовой и литературно-критической.

Хранители же требовали совершенно иного подхода к Пушкину и его материалам - изучение через обнародование научного наследия. И в этом смысле домашний музей Рыбкина полностью соответствовал музею, несмотря на «отсутствие» в нем «подлинников» И.М. Рыбкин любил повторять, что все музеи - это прошлое, а его домашний музей Пушкина - будущее России, и к нему надо подходить с иными мерками. Но эту разницу, будто бы, не смогли узреть работники культуры всех уровней, "зациклившиеся на подлинниках".

Отсутствие подлинников в музее принимали за отсутствие Архива. На этом строили свои предположения о принадлежности материалов и знаний, которые они содержали... Вот тогда возникли слухи типа: "Да всё это сам Рыбкин придумал, а Пушкину приписал, чтобы возвыситься, прикрываясь его именем!" И одно не хотели понять: если такое был способен создать сам Рыбкин, зачем ему был бы Пушкин?! Тем более, что у него не было никаких житейских проблем, пока он не открыл истинного автора знаний - Пушкина. Напротив, сначала ему присвоили звание почётного горожанина города Таганрога и заказали его гипсовый бюст известному талантливому скульптору Валентине Руссо. Эта история описана самим хранителем в "Монологе..."

Бюста нам найти не удалось! Хотя фотография существует, и мы её ранее печатали в газете и журнале "МИГ". Но возвышение закончилось, как только Рыбкин объявил автором уникальных работ Пушкина. Рыбкина зачислили в сумасшедшие, когда он отказался "поделиться подлинниками". Эта травля хранителя прекратилась лишь после первых публикаций о Пушкине-учёном в газете и журнале "МИГ".

Мы полностью поддерживаем убеждение И.М. Рыбкина в том, что ничего и никому он, как представитель рода хранителей, всю жизнь посвятивший Архиву, доказывать не должен. Пусть доказывает тот, кто сомневается. Это банальное условие "принципа презумпции невиновности". Когда люди спрашивали - верить или не верить в архив, И.М. Рыбкин отвечал: "Вера начинается там, где кончаются знания. Где начинаются знания - кончается обман". И указал тем самым нам единственно верный путь при отсутствии прямых доказательств - поиск ЗНАНИЙ.

Тем более, что подлинники всегда были. И даже в музее. Не обязательно принадлежащие лично Пушкину, но, начиная с его современников, и — до настоящего времени, что само по себе является очень большой ценностью в культурно-историческом отношении. Так, например, висел долгие годы в музее никому не приметный листок — на жёлтой бумаге, письма не очень понятные, слова состоят из букв различных языков, содержание понять затруднительно, даже невозможно.

Посетители, глянув на него и узнав, что к Пушкину этот листок не имел отношения, теряли к нему интерес. Вот это и требовалось доказать хранителю, который при этом говорил, что подлинники Пушкина имеют примерно такой же вид и простым людям ни о чём не скажут, пока их не расшифруют. Вот и этот "листок", безобидный на вид, на самом деле содержит знания, за которыми скоро будут все гоняться.

Мы уже не говорим о подлинниках рода Кутейниковых-Морозовых, относящихся, например, к 1842 году (почти пушкинская эпоха), но и эти подлинники не вызывали особого интереса посетителей. Зато у стендов музея, которые рассказывали о будущем России, о том, что происходит сейчас, о совершенно новой истории, посетители готовы были стоять часами.

О чём это может говорить? О том, что материальные свидетельства старины - любые сами по себе представляют ценность и интерес только для специалистов. Для остальных это не более чем экспонат, с полмощью которого

что-то можно узнать из пояснений консультантов музея. Поэтому мы считаем, что хранители были правы, настаивая на одновременном печатании подлинников с их комментариями при передаче сразу всех материалов. Никаких других условий быть не может.

И всё-таки, до сих пор раздаются возгласы: а архив-то есть? Подтверждение пришло с неожиданной стороны...

В Москве, на одной из конференций, где состоялось мое выступление, посвящённое Пушкину-учёному, и где мне задали вопрос по поводу подлинников, меня с ответом опередила уже немолодая, но очень приятная женщина, которая сказала: "А можно я отвечу?" и, не дожидаясь реакции зала, заявила, что да, есть, и она видела какие-то работы в шкапулке, которые, как говорили, принадлежат Пушкину. Их приносили в период подготовки к изданию материалов как раз на эту тему в издательстве "Академия" Академии наук СССР, где она в то время, в шестидесятых годах, работала художественно-техническим редактором. Одновременно с пушкинскими рассматривались неизвестные ранее материалы Тургенева, Толстого, Достоевского. Но им тогда сказали - рано ещё, и издание закрыли.

Мы не сомневаемся, что сейчас и всегда рукописи Пушкина хранятся в надёжных руках людей - членов совета хранителей Архива, которые работают с ними из поколения в поколение. Эта работа не прерывается даже со смертью хранителей. Но эти люди по-прежнему не желают быть на виду, особенно после такого примера тяжёлой судьбы, которая выпала на долю последнего известного нам хранителя Ивана Макаровича Рыбкина. Сами же рукописи, как им и положено, хранятся в государственных учреждениях в виде вкладов либо на предъявителя, либо с указанием времени изъятия. И это будет самым большим доказательством существования Архива Пушкина, когда придёт время открыть эти рукописи.

Проверенный хранителями и наиболее надёжный способ хранения! Так были сохранены письма Л.Н. Толстого, которые хранились долгое время в одной из государственных библиотек в виде свёртка с пометкой - вскрыть в такое-то время. И их действительно вскрыли, как сообщила пресса. Но хранители ещё раз смогли убедиться, что это не гарантия обнародования содержания "вклада": ну скажите, кто из вас знает, что было в тех письмах Толстого? Учёные, сообщив о находке, засели за её изучение — неизвестно на сколько лет! Попросту, скрыли их от людей. Несомненно, что Пушкинские рукописи постигла та же участь, если бы они были переданы без главного условия, о котором говорили хранители - без сопровождающего передачу рукописей по актам одномоментного обнародования содержания материалов с пересказом хранителей. Мы не можем сказать, что же будет истиной в последней инстанции, как не можем сказать и то, что этот пересказ — искажение истины: ведь перед нами — огромный труд целых поколений людей, подтверждение ему — в нашей истории и жизни.

Мы можем сегодня сказать лишь одно: другой трактовки у нас пока нет. Но можно не сомневаться в том, что она появится после обнародования, экспертизы и научного осмысления богатства широкими кругами. Если же допустить передачу подлинников без обнародования — вряд ли бы мы дождались какой-нибудь трактовки вообще! Начались бы споры: что принадлежит перу Пушкина, что - Гоголя и так далее. И всё это - в ещё большей тайне, в очень узких, избранных кругах - на долгие времена. Пропадает сам смысл завещания Пушкина, который заключался в передаче — доведении знаний до народа ("поведаю теперь я свету"), в открытии их именно сейчас, а не десять, двадцать, сто лет спустя... Нет, поистине, Пушкин и хранители предвидели всё!

Тогда говорят: почему нельзя показать, например, хотя бы расписку Кутейникова в получении им материалов Пушкина? Если, мол, речь идёт о прижизненной какой-то тайне Пушкина, и этого нельзя было показывать раньше, то сейчас нет в живых ни Пушкина, ни Кутейникова... И не поймут, что не было никакой расписки! Потому что не было в ней никакой нужды! Совершенно иные нравственные нормы были в общении друг с другом: для передачи кому-то ценностей не требовались подтверждающие документы. И, если бы, допустим, Пушкин, передав документы Кутейникову, потребовал от него расписку в том — почтенный Дмитрий Ефимович мог спустить с лестницы не менее уважаемого Александра Сергеевича за оскорбление чести и достоинства...

Итак, расписки не было, но вот подлинники, как уже говорилось, в домашнем музее И.М. Рыбкина были: рукописи, документы, фотокопии — собственность рода Кутейниковых, интересные, по крайней мере, краеведам. Например, о связи Чеховых-Морозовых, Моисеевых. Ведь Рыбкин родня с ... Чеховым. Мама Рыбкина - Татьяна Ивановна Морозова и мама Чехова - Евгения Яковлевна Морозова - Чехова в близком родстве по бабушке И.К. Морозову. Значит, можно искать подтверждения и по этой линии. Но наши краеведы-любители Чехова почему-то до сих пор этот факт не признают!

То есть, Морозов личность вполне реальная: директор банка в Ейске, герой Греции (благодарные греческие моряки на родине поставили бюст И.К. Морозову за своё спасение)... Но когда об этом было сказано работникам таганрогского музея-заповедника, нам дали понять, что и эти сведения — из той же области фантазии, как и завещание Пушкина, и его Архив, и его научные работы.

Но вот к какой области отнести Завещание И.М. Рыбкина музею-заповеднику? Мы расцениваем его как одно из доказательств существования Архива Пушкина, на основании которого только и мог появиться домашний музей И.М. Рыбкина. А у работников музея-заповедника это Завещание ассоциируется с очередной попыткой фальсификации Рыбкина, что, вообще-то в истории не редкость. Мне лично понятно недоверие к существованию и значению Архива для России со стороны работников культуры в принципе: в силу своей узкой специализации, они не в состоянии оценить и тем более - дать заключение о новой грани таланта Пушкина и его труда. Рыбкину они не

верили, считая, что Рыбкин ничего им не доказал, в сути научных знаний не разобрались, а другого консультанта не было.

Таким образом, сомневающимся хватало. Причём, под сомнение брали то, что, казалось бы, являлось прямым доказательством существования Архива в Таганроге. Для подтверждения приведу историю с подлинной маской А.С. Пушкина.

Иван Макарович рассказывал, что Совет хранителей имел отношение к выставке о Пушкине, которая проходила в городах СССР по случаю 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина, согласно Постановлению ВЦИК от 1937 года. Прошла такая выставка и в Таганроге. К ней долго готовились, и была она знаменита тем, что на ней экспонировалось множество подлинных материалов, связанных с Пушкиным, в том числе и подлинная посмертная гипсовая маска А.С. Пушкина. По словам хранителя, — одна из 15-ти сделанных по заказу Жуковского. Маска была вывезена из Ленинграда специально для Таганрога, а затем осталась здесь вместе со всеми экспонатами. В музее-заповеднике на вопрос, что им известно о посмертной маске Пушкина, нам ответили, что в Таганроге никогда никакой выставки о Пушкине не было, и никакой гипсовой маски здесь нет. Тем более — подлинной. Речь всегда шла только о музее Чехова и его экспонатах, а потому всё это — очередная шутка Ивана Макаровича.

Однако, в одной из "амбарных книг" музея-заповедника, в книге-описи за 1898-1941 годы (Дело N3), нашлась запись о том, что в 1937 году, к столетию со дня смерти А.С. Пушкина, вышло Постановление ВЦИК, согласно которому во всех городах страны должны были быть открыты выставки, посвящённые жизни и деятельности Пушкина, и что к созданию такой выставки в Таганроге привлекался ленинградский профессор С.Д. Балухатый, таганрожец по рождению. С ним и шла вся переписка по созданию выставки, в результате город получил массу уникальных экспонатов, в том числе и ту самую посмертную гипсовую маску Пушкина размером 13x18 сантиметров, как указано в "амбарной книге".

Но где сейчас эта маска?

- Никакой маски не было! — ответила одна сотрудница.

- Ещё лет пять назад я сама держала её в руках! — воскликнула другая — У неё ещё кусочек был отбит.

- Но я никогда не видела такой маски, хотя сама принимала материалы фонда и каждую вещь держала в своих руках! — сказала первая.

Директора музея в тот день не было и разъяснить ситуацию удалось несколько позже: маска в музее есть! На этот раз удалось даже её заснять. Но её параметры, история, время поступления - всё это ничего общего не имело с маской 1937 года. Эта маска размером 23,5x15 досталась Таганрогу вместе с вещами Фаины Георгиевны Раневской после её смерти примерно в 1984 году... Больше масок, сказали, в музее нет. Запись же от 37-го года свидетельствовала: их должно быть минимум две. Вот такая "шутка Ивана Макаровича"! Удивительный факт не давал покоя, мы обратились за помощью к литературе и обнаружили рассказ о посмертных масках Пушкина. Их действительно

первоначально было не более 15-ти. Сделаны они были по заказу В.А. Жуковского. Своя судьба сложилась у каждой маски. Сейчас их, масок первого отлива, сделанных на основе негативной формы, осталось несколько. Вдруг одна из "таганрогских" и была подлинной маской первого отлива?!

Не даёт покоя такая мысль: если, как говорит И.М. Рыбкин, Пушкин продублировал таганрогский архив и где-то в Сибири существует второе, подобное нашему, хранение, то интересными могут показаться и другие "совпадения": в Оренбурге (где Пушкин работал над материалами для "Истории Пугачёва" и "Капитанской дочки" в краеведческом музее хранится подлинная посмертная маска Пушкина. Другая посмертная маска Пушкина была привезена в Таганрог в 1937 году, для выставки к дню памяти Пушкина...

Что это может означать? Во всяком случае появление масок там, куда Пушкин привозил хранить свои документы, вполне можно расценивать как своеобразный знак, метку хранителей. И тогда следующий "пункт" исследований — Оренбург?

Нам кажется, что на примере истории с маской ещё раз убеждаешься, какая важная это вещь — передача и приём экспонатов по описи. Ведь, если бы не эта запись в Книге поступлений экспонатов о маске, можно было бы и дальше вводить всех в заблуждение. Так что вопрос о существовании Архива — это ещё и вопрос о том, кто кому и что должен доказывать. Для нас лично никаких доказательств не требуется. Мы занимались этим постольку, поскольку приходилось и приходится постоянно кому-то доказывать право на жизнь версии Хранителя. Для нас было очевидно, что самое прямое доказательство наличия научного Архива есть знания, скрывавшиеся за этой версией: были модели, были пояснения, была их привязка ко времени, к месту и к событиям в нашей стране. И потому параллельно с проработкой версии происхождения этих знаний мы изучали модели, и всё им сопутствующее, искали подтверждения знаний в других источниках, в том числе у самого Пушкина.

Потребовалось продолжить исследования с целью показать наличие мощных знаний у Пушкина, содержащихся в его произведениях, переписке, дневниках, рисунках... Войти в мир открывшегося нам пушкинского учения, в мир его сказок, в мир его ТАЙНЫ... В конце концов, научиться хоть чуть-чуть понимать слово Пушкина: что он хотел сказать нам в том или ином случае.

С этой точки зрения, мы считаем, и нужно рассматривать любое его произведение. Например, стихотворение "Труд"... О чём оно может сказать человеку, который не знает об Архиве Пушкина?

***"Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний,
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденищик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?"***

Буквально ничего. Одни вопросы: какой подвиг, какой такой многолетний

труд, когда автору к этому моменту было всего 30 лет! Что за "друг Авроры златой" или "молчаливый спутник ночи"? И почему, окончив труд, стал «подёнщик» ненужным? И на какую работу его нанимали и кто?

И совершенно иной смысл приобретает это стихотворение с точки зрения существования завершённого Пушкиным свода законов мироздания, собранных в Архиве. Буквально каждое слово прочитывается со смыслом: речь идет о космических знаниях божественного мироустройства, к которым был причастен Пушкин, и который, выполнив эту непосильную работу, вдруг почувствовал себя уже ненужным на этой Земле поденщиком...

Так и случилось - вскоре после передачи труда на хранение и "озадачивания" плеяды единомышленников Пушкин покинул наш мир! И потому мы рассматриваем это стихотворение как прямое доказательство причастности Пушкина к большому труду, очень важному, может быть, самому важному как для самого Пушкина, так и для России, окончив который, он чувствует себя настолько опустошенным, что браться за другую работу не имеет ни сил, ни смысла. Друг «Авроры златой» — друг Зари, расцвета, Золотого века России, — времени, когда этот труд будет востребован и принят народом!

Впрочем, любое толкование произведений, тем более такое, вещь серьёзная, и таит в себе опасность ухода в сторону от замысла автора. Так что оставим пока свои предположения и выводы. Однако, ещё раз повторю, что необходимо тщательно вчитываться и анализировать творчество Пушкина. Но необходимо всё-таки знать, на что обращать внимание в произведениях. И здесь лучшего помощника и чем Архив, который предоставил нам ключи к новому прочтению Пушкина, нам не найти. К сожалению, мы не можем утверждать, что у нас есть ключи к каждому произведению Пушкина. Когда мы подошли к пониманию этого, Хранитель умер, с его потомками общего языка найти не удалось, музей для нас закрылся, и поток информации прекратился. Но ...знание - удивительная вещь: раз только попав в мозг, они начинают работать самостоятельно и истина постепенно открывается все больше! И остается только пожалеть тех, кто закрыл себе этот путь!

В последующих главах мы постараемся раскрыть смысл некоторых известных произведений А.С. Пушкина. И это послужит еще одним подтверждением того, что Пушкин действительно зашифровал в своих произведениях космические знания — Законы Космоса, по которым живёт всё живое.

Елена Каверда-Мирзоян
1994-2011 г.